

*Посвящается моей матери Майе
и ее матери, моей бабушке Захиде*

Но неизменно время,
И эпохи неизменны.
Меняется лишь то внутри эпохи каждой,
Во что готов ты верить, а во что — не верить.

Джеймс Голвин, «Вера»

ЧАСТЬ 1

Миссури

Когда вчера вечером те верховые подъехали к броду, я уж решил, что нам с тобой конец. Даже ты, должно быть, это понимал. Они были от нас совсем близко: я чувствовал запах конского пота, слышал, как звякают удила, различал в темноте белки лошадиных глаз. Надо признаться — хоть ты и совсем ослеп, да и в бедре у тебя сидит та проклятая пуля, которую так и не удалось извлечь, — ты храбро встал, готовый защищаться, готовый встретиться с врагом лицом к лицу. Может, и не надо было мне тебя удерживать. Может, тогда и не произошло бы того, что случилось сегодня ночью, и та девушка не пострадала бы. Но откуда ж мне было знать? Драться я готов не был, да и в удачу не верил; я мог лишь смотреть, как они в лунном свете пересекают старое высохшее русло реки и начинают подниматься по склону оврага, удаляясь от нас. Разве ж я неправильно поступил, решив выждать, — хотя бы в силу привычки? Я знал, что в душе ты по-прежнему стремишься к бегству. Тебе и сейчас еще хочется убежать, вырваться на свободу. То же стремление живет и во мне. Желание бежать, спастись поселилось во мне давным-давно, задолго до того, как мы с тобой встретились. Впервые я,

шестилетний, испытал его, когда пришел в себя после болезни и понял, что лежу на узкой койке рядом с отцом и мы плывем на каком-то корабле, ибо я чувствовал морскую качку и слышал шипение волн под килем; мы уже тогда пребывали в состоянии постоянного бегства. Впрочем, бежал скорее мой отец, хотя от чего и куда он бежал, я так и не понял. Он, помнится, был очень худой. И, наверное, молодой. Может быть, он был кузнецом или еще кем-то из тех, кто много и тяжело работает, но обычно не имеет возможности нормально отдохнуть, зато уж за тот месяц сплошной качки, когда день ничем не отличался от ночи, а где-то над нами в темноте слышался лишь скрип канатов и скрежет лебедки, он, кажется, наконец-то отдохнул. Он называл меня *sine*, сынок, и еще каким-то именем, которое я всю жизнь тщетно пытался припомнить. Из нашего плавания через океан я помню в основном пенные гребни волн и запах морской соли. А еще, конечно, мертвых, завернутых в саваны и выложенных в ряд на корме.

Жилье мы нашли рядом с гаванью. Окна нашей комнаты выходили на бесконечные ряды бельевых веревок, которые, пересекаясь, тянулись от окна к окну, как бы растворяясь в клубах пара, вечно висевшего над прачечной, находившейся внизу. Спали мы на одном тюфяке, стараясь не обращать внимания на сумасшедшего, спавшего у противоположной стены, хотя его недуг усугублялся с каждым днем. В коридоре вечно кто-то орал. Кто-то из тех, что словно застряли между мирами. Я лежал на своей половине матраса, намертво вцепившись в лацканы отцовского пальто, и чувствовал, как у меня в волосах шевелятся вши.

В жизни не встречал человека, который умел бы так крепко спать, как мой отец. Наверное, это из-за рабо-

ты в порту. Каждый день он с утра до ночи сгибался под тяжестью погрузочных клетей или тяжелых бухт каната, по сравнению с которыми выглядел просто муравьем. А после работы он обычно брал меня за руку, и людская река, состоявшая из таких же, как мы, приплывших неизвестно откуда, несла нас прочь от причалов по главной улице туда, где высились стальные леса будущих небоскребов. Отцу строительство таких зданий казалось настоящим чудом, он вообще с большим интересом относился ко всему, что делалось в мире. У него была хорошая память, плохие, постоянно болевшие зубы и неизбывная ненависть к туркам, которая всегда вспыхивала с новой силой, если ему приходилось пить чай с теми, кто думал так же. Но вот ведь что странно: как только какой-нибудь серб или мадьяр начинал выступать по поводу железного кулака Стамбула, мой отец, такой упорный в своей ненависти к туркам, внезапно чуть ли не со слезами говорил ему: *Ладно, эфенди. Может, теперь ты лучше помолчишь? Может, хватит об этом? Али-Паша Ризванбегович был, конечно, тираном — но далеко не самым худшим из тиранов! По крайней мере, наша страна была прекрасна. Да и дома наши, по крайней мере, нам самим принадлежали.* Затем следовали горестные воспоминания о той деревне, где он провел детство: там были каменные дома, беспорядочно разбросанные по обоим берегам реки, вода в которой была такого зеленого цвета, что в новом языке у отца просто не находилось для этого нужного определения, и он был вынужден пользоваться словами своего старого языка, и тогда мне казалось, что только мы вдвоем стали вечными хранителями некой тайны. Дорого бы я дал, чтобы сейчас вспомнить это слово! А еще я никак не мог понять,

зачем отцу понадобилось покидать такие чудные места, чтобы в итоге оказаться в этой вонючей гавани, где из-за того, что он молился, обратив к небу ладони, а также из-за его имени — Хаджиосман Джурич, — его так часто принимали за турка, что от имени он отрекся, а о родине старался вслух не вспоминать. По-моему, какое-то время он называл себя Ходжмен Друри — но похоронен был как «Ходж Лури», что означало просто «батрак Лури», благодаря догадке нашей квартирной хозяйки, которая сочла излишним такое нагромождение согласных в одном имени и назвала его так, как сочла более удобным, когда прибыли похоронные дроги, чтобы увезти тело покойного.

Я помню, наш тюфяк был весь покрыт какими-то страшными пятнами, а сам я стоял на лестнице и оттуда смотрел, как кучер грузит тело в повозку. Когда дроги тронулись с места, квартирная хозяйка положила мне руку на голову и далеко не сразу ее убрала, удерживая меня на месте. Помнится, накануне как раз прошел сильный дождь, и закат после него был красный-красный, так что вся улица тоже была залита красным сиянием, а лошади, увозившие похоронные дроги, казались огненными. И с того дня отец больше никогда ко мне не приходил — ни во время выпавших на мою долю бедствий, ни когда я плакал, ни даже во сне.

* * *

Каждый вечер наша квартирная хозяйка опускалась на колени перед крестом, висевшим на стене, и молилась. Со мной она обошлась весьма милостиво: каждый день мне доставались жесткая корка хлеба и еще более жесткий тюфяк. За это мне было велено молиться, как

она, складывая ладошки вместе; а еще я помогал ей с уборкой, бегал вверх-вниз по лестницам с ведрами, полными мыльной воды, охотился на крыс, чистил дымоходы. Таившиеся по темным углам пьянчуги иной раз пытались меня поймать, только куда им. Я был худющий, кожа да кости, но совершенно не боялся вечно торчавших под лестницей пьяниц, мог даже походя ногой их пнуть: пусть знают, что меня лучше не трогать. Наступило еще одно лето, а вместе с ним пришла и еще одна эпидемия, и у нас все чаще и чаще стал появляться тот похоронных дел мастер со своими черными лошадьми. На столбе возле нашей коновязи появилась какая-то неопрятная надпись. *Ты прочесть-то можешь?* — спросила у меня наша квартирная хозяйка и тут же пояснила: — *Там написано, что здесь «чумной барак» — ты знаешь, что такое «чумной барак»?* Оказалось, что для нас с ней это означает отсутствие постояльцев, совершенно пустые комнаты, пустой кошелек и пустой желудок. Когда гостиницу в следующий раз посетил похоронных дел мастер, хозяйка попросту отослала меня с ним. Стояла и молча смотрела то на меня, то на монету, которую он вложил ей в ладонь.

У похоронных дел мастера я прожил примерно год. Это был самый чистый человек из всех, кого я когда-либо знал. Просто спать не мог лечь, пока весь дом в порядок не приведет и шлепанцы непременно рядышком у кровати не поставит. Единственное, что в нем было не аккуратное, так это верхний зуб, как-то странно торчавший изо рта; с этим торчащим зубом он был похож на какую-то придурочную крысу. Мы вместе с ним то и дело ездили по всяким притонам и грязным развалюхам на Бликер-стрит и собирали свой «урожай мертвецов» — все это были обитатели тамошних ла-

чуг; каким-то из них повезло помереть во сне, другим перерезали глотку их же приятели. Иной раз они до нашего приезда так и лежали в своей постели, кем-то заботливо прикрытые простыней. Но куда чаще трупы оказывались засунуты в какой-нибудь сундук с запертой крышкой, а то и под доски пола. Тех, у кого имелись какие-то деньжата или родня, мы отвозили к владельцу похоронного бюро. А безмянных везли в больницы на окраинах, где через заднюю дверь их у нас охотно принимали какие-то непонятные молодые люди, которые сразу клали труп на стол, а сами, нависнув над ним, тут же начинали все внутренности несчастному покойнику наружу выворачивать, а кости добела кипятком отмывать.

Когда такого «товара» было мало, нам приходилось добывать его на церковных кладбищах. Давали два доллара привратнику, чтоб отвернулся, пока мы будем бродить среди могил да свежую горку земли высматривать. Мой хозяин сразу прокапывал узкий лаз в том месте, где, по его мнению, могла находиться голова, а я влезал в холодную землю по пояс и рыл до тех пор, пока железным прутом не разламывал доски гроба. Затем я шарил пальцами внутри, стараясь нащупать волосы или зубы покойника, и накидывал ему петлю на шею. Но, чтобы вытащить его из-под земли, требовались наши общие усилия.

«А все ж так полегче, чем их выкапывать», — разумно замечал мой хозяин.

Иногда, правда, внутрь осыпалась еще рыхлая могильная земля, а иногда, если земля была достаточно плотная, тело застревало, и приходилось так и бросать его там, наполовину выкопанное. Бывало, что покойник оказывался женщиной, а то и ребенком. После такой

работы отстирать одежду от кладбищенской земли мне никак не удавалось, сколько бы горячей воды я ни наливал из котла в прачечной.

Как-то раз в одном гробу оказались сразу двое; они лежали лицом к лицу, словно просто уснули, обнимая друг друга. А однажды, не успев я сунуть руку в свежую могилу, как земля подалась, а мои пальцы нащупали только мокрый бархат подушки и больше ничего. «Тут нас кто-то опередил, — сказал я хозяину. — В гробу пусто».

Было и кое-что пострашнее. Я тогда как раз успел подсунуть пальцы под доски гроба, нащупал жесткие волосы мертвеца, щетину на подбородке и уже собрался накинуть веревочную петлю, как вдруг в темноте могилы кто-то схватил меня за запястье. Пальцы были сухие и твердые. Я так дернулся и заорал, что земля полетела прямо мне в разинутый рот и дальше, в глотку. Я отчаянно брыкался, но пальцы меня не отпускали, и мне уже казалось, что сейчас я и сам провалюсь в эту могилу, а значит, мне конец. «Пожалуйста, больше не заставляйте меня это делать, я больше никогда не смогу руки туда совать!» — рыдал я после этого случая. Но, как оказалось, прекрасно смог — несмотря на сломанное запястье и вывихнутое плечо.

Однажды нам попался какой-то уж очень здоровенный парень, который так и застрял на полпути из могилы, и я долго сидел на вскопанной земле, держа на коленях его бледную руку, пока хозяин не сунул мне пилу. А потом я тащил эту ручищу на плече, точно какой-то окорок, всю дорогу до города, завернув в кусок савана с рукавом, оторванным от одежды мертвеца. А через несколько дней, вечером, я заметил тот самый оторванный рукав на каком-то одноруком великане, неподвижно стоявшем среди толпы на рыбном рынке.

У великана было бледное круглое лицо, и он застенчиво мне улыбнулся, точно старому приятелю, а потом как бы поплыл ко мне, нежно обнимая этот пустой рукав, и вскоре оказался совсем рядом. Странно так говорить, но я совершенно точно почувствовал, как у меня по плечам словно щекотный ручеек пробежал, и понял: это он своей *призрачной* рукой обнял меня за плечи. Именно тогда я впервые испытал это странное чувство, возникшее как бы на внешних границах моего существа, — *чужую потребность, чужое желание*. А потом тот великан печально так вздохнул, словно все это время мы с ним только и делали, что дружески болтали, и сказал: «Боже, до чего же есть хочется! Я жутко проголодался. С удовольствием бы сейчас слопал целый пирог с треской. А тебе разве есть не хочется, маленький босс?»

«Да пошел ты!» — сказал я и сбегал.

Но, правда, вскоре остановился и оглянулся через плечо, высматривая в толпе этого типа, а то странное ощущение какой-то сосущей пустоты, *чужого* мучительного желания что-то получить так и осталось у меня внутри, притаившись в самом темном уголке, и долго еще, даже много дней спустя, оно будило меня по ночам, и мне казалось, будто кишки мои буквально сводит от голода. Я лежал в темноте, слушая бешеный стук собственного сердца и судорожно глотая слюну, а внутри у меня как будто что-то копалось, пыталось выбраться наружу и снесало меня изнутри. Обычным количеством еды насытить его было невозможно, тем более хозяин за обедом считал каждую съеденную мной ложку, приговаривая: «Хватит, черт побери, не то еще лопнешь». Но мне не хватало — то, что я съедал, было способно лишь наполовину погасить мучительное *чужое желание*,

поселившееся во мне. Хорошо еще, мой хозяин не видел, как я тайком подбираю яблоки, упавшие с тележки фруктовщика, или, выждав, когда булочник отвернется, краду с прилавка булочку или пирожок. Не видел он, как я жду, когда девушка из пекарни выйдет на улицу с такой большой и тяжелой корзиной на руке, что ее кренило на одну сторону, и станет кричать: «Пирожки с рыбой! Пирожки с рыбой!» Когда кто-то из прохожих ее останавливал, она приподнимала край клетчатой салфетки, и становилась видна целая гора пышных пирожков. «Пирожок с рыбой?» — спрашивала она, ласково на меня глядя и словно догадываясь, что то, *чужое*, желание стало совсем нестерпимым. Я заглатывал пять пирожков подряд, скорчившись в переулке у стены прачечной, где у меня над головой оглушительно орали прачки, но чем больше я ел, тем сильнее становилось желание того мертвого, пока не перелилось через край.

На какое-то время оно исчезло, и я довольно долго его не испытывал, снова оно возникло лишь несколько лет спустя, когда нас поймали. Это было уже после рабочего дома, после того как судья, огласив приговор, отправил моего хозяина на тот свет, а меня — на запад, на временный конечный пункт строившейся железной дороги вместе с шестью или семью другими мальчиками, сунув мне в руки некий документ, где значилось всего лишь мое имя: *Лури*.

* * *

Тащились мы туда целую неделю; поезд медленно ехал мимо ферм и желтых полей, мимо хижин на серых пригорках, направляясь туда, где Миссури, постепенно мелея, превращается в грязное болото. Город, куда нас